

Ежегодник Японии 2020. Т. 49. С. 419-453.
Yearbook Japan 2020. Vol. 49, pp. 419-453.
DOI: 10.24411/2687-1432-2020-10017

Рассказы об Индии времен Будды в «Собрании стародавних повестей»

Н. Н. Трубникова

Аннотация. Цель исследования — рассмотреть образ Индии как страны Будды в «Собрании стародавних повестей» (*Кондзяку моногатари-сю*.; 1120-е гг.).

Влияние Индии, опосредованное через Корею и Китай, в Японии прослеживается начиная с древности. Буддизм во многом оставался индийским учением даже в китайских переложениях, благодаря ему японцы отчасти познакомились с индийской словесностью, скульптурой и живописью, музыкой, небуддийскими философскими учениями. К концу эпохи Хэйан, хотя прямых контактов между индийской и японской общинами по-прежнему нет, да и с китайской общиной связи слабеют, доступные японцам сведения об Индии — родине Будды — сводятся воедино, выстраивается круг преданий, особенно важных для японских монахов и мирян. Такой опыт обобщения предпринят в первых трех свитках первой части *Кондзяку*. Их сюжеты взяты из широко известных сутр, из китайских сборников буддийских преданий и из записок китайских паломников, посетивших Индию. Все эти сюжеты пересказаны по-японски, с сокращениями и дополнениями. В рассказах отражены главные события жизни Будды Шакьямуни, они же — основные вехи того пути, который стремится пройти каждый буддист, и деяния учеников Будды — примеры того, как по-разному можно пройти один и тот же путь. Другие важнейшие темы здесь — воздаяние счастьем за добрые дела и горем за злодеяния; относительность любых противопоставлений: богатства и бедности, мудрости и глупости, блага и зла.

Кондзяку не содержит полного изложения легенды о Будде. Отбор рассказов подчинен задаче показать предысторию такой буддийской общины, какой она стала в Японии к рубежу XI–XII вв. На этот же образ работает порядок рассказов и способ изложения: особое внимание к мотивам семейных связей Будды, участия богов в его жизни, распределения ролей между его учениками, а также установка на то, что именно к эпохе Будды восходят основные положения махаянского учения, принятого в японских буддийских школах.

Ключевые слова: Индия в культуре Японии, японский буддизм, «Собрание стародавних повестей», легенда о Будде, воздаяние, относительность.

Автор: Трубникова Надежда Николаевна, доктор философских наук, заместитель главного редактора журнала «Вопросы философии», Институт философии РАН, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; ведущий научный сотрудник ШАГИ РАНХиГС

ORCID: 0000-0001-6784-1793

<https://trubnikovann.wixsite.com/trubnikovann>

E-mail: trubnikovann@mail.ru

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 18-011-00558 ««Собрание стародавних повестей» (“Кондзяку моногатари-сю”) в истории японской религиозно-философской мысли».

Tales of India in Buddha Age in *Konjaku Monogatarishū*

N. N. Trubnikova

The purpose of the study is to examine the image of India as “Buddha-land” in *Konjaku monogatarishū* (1120s).

The influence of India, mediated through Korea and China, can be traced in Japan back to antiquity. Buddhism, to a large extent, remained an Indian teaching even in Chinese translations; thanks to it, the Japanese got a fragmented acquaintance with the Indian literature, sculpture and painting, music, and non-Buddhist philosophical teachings. In the late Heian era, although there still were no direct contacts between the Indian and Japanese Buddhists, and the ties of the Japanese Buddhists with the Chinese community were weakening, the information available to the Japanese about India, the homeland of the Buddha, was brought together, and a circle of legends, especially important for the Japanese monks and laity, was constructed. Such an attempt of consolidating information is undertaken in the first three scrolls of the first part of *Konjaku*. Their plots are taken from sutras widely known in the Buddhist world, from Chinese collections of Buddhist tales and from the diaries of Chinese pilgrims who visited India. All these stories are retold in Japanese, with abbreviations and additions. The stories reflect the main events in the life of Buddha Shakyamuni, which also represent the main milestones of the path that every Buddhist seeks to go, and the deeds of the Buddha’s disciples — the examples of how people can walk the same path

in different ways. Other major themes here are the reward of happiness for good deeds and that of grief for evil deeds; and the relativity of any oppositions, such as wealth and poverty, wisdom and stupidity, good and evil.

Konjaku does not contain a complete exposition of the Buddha legend. The selection of stories is subordinated to the task of showing the prehistory of the Buddhist community that took shape in Japan by the turn of the 11th — 12th centuries. This task is also pursued by the order of the stories and the method of their presentation, where a special attention is attracted to the motives of the Buddha's family ties, the participation of deities in his life, the distribution of roles between his disciples, as well as the idea that the main provisions of the Mahayana teachings adopted in Japanese Buddhist schools are rooted in the Buddha epoch.

Keywords: India in Japanese culture, Japanese Buddhism, *Konjaku monogatari*shū, the legend of Buddha, retribution, relativity.

Author: *Trubnikova Nadezhda N.*, DSc (Philosophy), Deputy Chief Editor, *Voprosy Filosofii* Journal, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences 109240, Moscow, Goncharnaya street, 12-1; Leading Researcher, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

E-mail: trubnikovann@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6784-1793

Acknowledgements: This research was supported by a Russian Foundation for Basic Research grant No. 18-011-00558 «“*Konjaku monogatari shu*” in the history of Japanese religious philosophy».

Введение

Кто составил «Собрание стародавних повестей» и каков был его или их исходный замысел, точно неизвестно¹, но, судя по тексту, дошедшему до наших дней, повествователи стремились охватить всю известную им историю мира от древности до недавней поры, и все значимые для них страны — Индию, Китай и его соседей, а затем Японию. Индийская и китайская части *Кондзяку* традиционно привлекают меньшее внимание читателей и исследователей, чем японская часть: нередко собрание издают без них, многие переводчики также ограничиваются японскими рассказами². Между тем свод индийских

¹ Об истории споров вокруг *Кондзяку* см.: [Трубникова 2018]. При ссылках на *Кондзяку* первая цифра — номер свитка, вторая — номер рассказа в нем. Я пользуюсь изданиями [Кондзяку 1993–1999] и [Кондзяку 2018], а также переводом [Коняку 2015].

² Вообще, работ по Индии в культуре Японии эпохи Хэйан немного, хотя все истории японского буддизма так или иначе касаются этой темы. Назову лишь книги индийских

преданий в *Кондзяку* интересен не только потому, что дает одну из немногих в японской словесности эпохи Хэйан развернутых картин жизни Индии — далекой, почти сказочной страны. Здесь собрано то, что известно японцам о начале буддизма, о происхождении его обычаев и обрядов, о тех давних годах, когда в мире дела шли правильно и люди были способны усвоить истинный Закон. Но не меньше, чем об Индии, эта картина говорит о Японии: как японцы мыслят свою буддийскую общину, в чем индийский прообраз должен быть на нее похож. Конечно, праведная древность может казаться скучнее пусть порочной, но живой современности. Но в *Кондзяку* времена Будды не выглядят музеем застывших образцов для подражания: в земной жизни Шакьямуни и его учеников есть место и страстям, и горю, и веселью.

В *Кондзяку* рассказам об Индии отведены свитки с 1-го по 5-й. 4-й свиток посвящен событиям в Индии после ухода Будды, а 5-й — до его прихода; их я надеюсь обсудить в другой статье, а сейчас сосредоточусь на первых трех свитках: о пути Будды к просветлению, его странствиях и проповеди, его уходе в нирвану.

Источниками рассказов служат «Сутра о причинах и их плодах в прошлом и настоящем» (過去現在因果經, *Како гэндзайинга-кё:*, ТСД 3, № 189, она же *Инга-кё:*)³, «Сутра ста избранных преданий» (撰集百緣經, *Сэндзю: хякуэн-гё:*, ТСД 4, № 200), «Сутра о мудрости и глупости» (賢愚經, *Кэнгу-кё:*, ТСД 4, № 202). Многие рассказы взяты из китайских энциклопедических собраний, таких как «Сады Закона, роши драгоценностей» (法苑珠林, *Хо:он дзюрин*, кит. *Фаюань чжун-линь*, ТСД 53, № 2122, 668 г.) и «Разные примеры из сутр и уставов» (經律異相, *Кё:рицу исо:*, кит. *Цзинлюй исян*, ТСД 53, № 2121), а также из «Большого трактата о запредельной премудрости» (大智度論, *Дайтидо-рон*, кит. *Дачжиду-лунь*, ТСД 25, № 1509). Возможно, при работе над *Кондзяку* был использован какой-то один свод преданий, составленный в Китае или в Японии, но не дошедший до наших дней.

яповедов, чей материал особенно близок к *Кондзяку*: [Khanna 2000; Chaudhuri 2003]. Из японских исследователей индийскую часть *Кондзяку* подробно изучал Коминэ Кадзуаки; см.: [Коминэ 1980–1981]. Ей также посвящена серия статей Касиваги Ясуко, см. итоги этой работы: [Касиваги 2016].

³ Широко известна ее иллюстрированная копия VIII в. из собрания Национального музея Нара, см.: http://www.emuseum.jp/detail/100051/000/000?mode=detail&d_lang=en&_lang

Кроме того, несколько историй заимствовано из «Записок о Западных странах [эпохи] Великой Тан» (大唐西域記, *Дайто: Сайиуки-ки*, кит. *Да Тан Сиюй-цзи*, ТСД 51, № 2087) — книги знаменитого паломника Сюань-цзана 玄奘 (ок. 602–664)⁴. В Индии он воочию видел здания и чудотворные образы, дошедшие от времен Будды, а как сказано в *Кондзяку* в рассказе 11–4, у Сюань-цзана был японский ученик; Индия и век Будды через этого наставника оказываются связаны с Японией прямой связью.

Когда жил Будда Шакьямуни с точки зрения японских буддистов? Принято было считать, что две тысячи лет после его ухода в нирвану исполнились в седьмой год правления государя Горэйдзэй, то есть в 1052 г. Таким образом, время жизни Будды в Индии совпало с правлением династии Чжоу в Китае; в этом согласны китайские историки буддизма, чьи труды изучались в Японии XI–XII вв. По меркам современной науки о буддизме 949 г. до н. э. для кончины Будды слишком ранняя дата, но для китайских наставников было важно, чтобы Будда жил раньше основателей даосизма и конфуцианства, мог быть учителем для них, а кроме того — чтобы его земная жизнь пришлась на праведные времена Чжоу. При этом обстановка в Индии, какой ее показывают предания о Будде, скорее похожа на Китай времен Конфуция: единства нет, страна делится на небольшие царства; их правителей рассказчик иногда называет «государями» (天皇, *тэнно*), как японских императоров, но чаще «царями» (王, *о*); цари бывают «великими» и «малыми», вторые подчиняются первым). Жизнь сосредоточена в основном в городах, за городскими стенами лежат сады, а дальше — леса и горы, где можно встретить лишь охотников да отшельников. При царях состоят «сановники» (大臣, *дайджин*), небольшую власть имеют «вельможи», или «богачи» (長者, *тё:ся*). Кроме того, в Индии живут жрецы брахманы (婆羅門, *барамон*; служители богов небесных и земных) и вольные «мудрецы», они же шраманы (沙門, *сямон*). Образ жизни, который выберут для себя Будда и его ученики, не ими самими придуман: многие искатели освобождения точно так же питаются подаянием, скитаются из царства в царство, по лесам и горам, а в сезон дождей останавливаются в садах возле какого-нибудь города, если их туда пригласят. Наставники шраманы, «иноверцы» по отношению к буддизму, приверженцы «иных путей»

⁴ См. русский перевод: [Сюань-цзан 2012].

(外道, *гэдо:*), учат, как обрести счастье при жизни и после смерти, отчасти отвечают на те же вопросы, что и Будда. Тех, кто навсегда «ушел из дому» (出家, *сюккэ*), пустился в вольные странствия, называют также «нищими», бхикшу (比丘, *бику*), и «нищенками», бхикшунни (比丘尼, *бикуни*); в переводах буддийских текстов эти слова принято передавать как «монах», «монахиня».

В рассказах об Индии часто встречаются отсылки к той картине мироздания, что выстроена в буддийских текстах. В японской словесности XII в. нет и долго еще не будет единого ответа на вопрос, как устроен мир: земля, подземные и надземные области, небесные светила и т. д. Даже один и тот же автор в разных случаях может опираться на разные учения о мироустройстве. Но для индийских преданий в *Кондзяку* задействуется буддийская космография. Действие происходит на Джамбудвипе (閻浮提, *Эмбудай*), материке, лежащем к югу от центра мира — горы Сумеру (須弥山, *Сюмисэн*); Индия и Китай расположены на нем, Японские острова тоже относятся к этой части света. Джамбудвипа и еще три материка (западный, северный, восточный) разделены морем, оно же их и окружает; земля имеет форму цилиндра, по краю обведенного горами. Под землей лежат страшные «подземные темницы» (地獄, *дзигоку*), буддийский «ад», санскр. *нарака*. Над землей расположено несколько уровней небес, в том числе небо Тушита (兜率天, *Тосоцутэн*), где пребывают будды до прихода в мир. Гора Сумеру пронзает все эти небеса, на ее склонах и на самих небесах обитают боги, они же небожители (天*тэн*, санскр. *дэва*), и другие существа. Чем дальше от земли, тем дольше срок их жизни, и все же они не вечны. Выше шести небес есть и другие уровни, в том числе владения бога Брахмы (梵天, *Бонтэн*) сразу над ними. Обитатели шести небес часто являюся на земле, в том числе государь богов Шакра (帝釈, *Тайсяку*), он же Индра, и царь демонов Мара (魔王, *Мао:*).

Где в этом мироздании родится живое существо, определяется по закону воздаяния, кармы: за добрые дела воздается счастьем в хороших областях мира, за злые — страданием в дурных. Всего существует шесть путей перерождения: миры «подземных темниц», «голодных духов» (餓鬼, *гаки*, санскр. *прета*), животных (畜生, *тикусё:*), демонов асур (修羅, *сюра*), людей и богов. Не все боги живут на небе: многие божества населяют землю, горы и моря, их именуют *не тэн*, а *син* (神), как японских *ками*. Главное, что сделает Будда, — укажет обитателям всех миров путь к выходу из круговорота рождений и смертей.

Путь Будды к просветлению и начало его проповеди

Итак, пребывая на небе Тушита, будущий Будда готовится сойти на землю и выбирает, в какой семье родиться: это будет род шакьев, отцом станет царь Шуддходана, а матерью — его супруга Майя. Царица видит во сне белого слона, и гадатель предсказывает, что ей предстоит родить необычного сына: он станет или великим правителем, чакравартином (轉輪聖王, *тэнрин-дзэ:о:*), или буддой (1–1). Рождение мальчика сопровождают чудеса, небесные, земные и морские боги приходят позаботиться о нем. Царь пытается вознести благодарственную молитву, но божество местного святилища останавливает его: «Царевич превосходит всех людей. Никогда не пренебрегай им! И не приходи с ним поклоняться мне. Это я буду поклоняться ему!» Майя умирает на седьмой день после родов и возрождается на небесах.

Царь дает сыну имя Сиддхартха и поручает его заботам сестры Майи, госпожи Махапраджапати (1–2). До семнадцати лет царевич благополучно живет во дворце, но вид его печален; по ночам он «в тишине успокаивает сердце и без смятения в мыслях созерцает путь мудрецов», но родные о том не знают. И вот, он просит разрешения выехать из города прогуляться, один раз, потом другой и третий — и божество являет ему образы старца, больного и мертвеца. Важно, что царевич, по этой версии, видит не настоящие страдания (царь позаботился, чтобы по дороге ему не попалось на глаза ничто неприятное) — а только их подобия. В третий раз царевича по приказу царя сопровождает советник, старается отвлекать Сиддхартху от мрачных дум, но божество подчиняет себе его волю и заставляет рассказать правду о том, что такое смерть. В четвертый раз божество является в облике монаха и заводит речь о пути к освобождению от страданий старости, болезни и смерти (1–3).

Царевич просит у отца разрешения уйти из дому, царь отказывается. На верном коне вместе с преданным слугой Сиддхартха ночью покидает дворец, в лесу благодарит обоих и прощается с ними, срывает себе волосы, встречает божество в обличье охотника и меняется с ним одеждой, надевает лоскутный плащ кашая (袈裟, *кэса*), а конь и слуга в слезах возвращаются во дворец (1–4). В великой печали царь посылает сыну еду и прочие припасы уже как подношение шрамане,

но тот не принимает; Сиддхартха изучает путь мудрецов и приходит к мысли, что нужно ему другое знание; предается подвижничеству, голодает и едва не умирает, а затем, к удивлению товарищей, бросает аскетические упражнения, омывается в реке, принимает обычную пищу и направляется под дерево бодхи (1–5). Демон Мара пытается сбить его с пути, подсылает к нему своих обольстительных дочерей, пугает страшными видениями, но все напрасно (1–6). Не сойдя с места, под деревом бодхи, бывший царевич достигает просветления (1–7). Теперь его имя — Шакьямуни, он начинает проповедовать Закон, и первыми его учениками становятся бывшие товарищи-подвижники (1–8). Здесь особенно важна роль богов: обычно Индию именуют «страной Будды», но ее можно назвать и «страной богов», как Японию.

В следующих рассказах действуют ученики Будды. У Шакьямуни в Индии есть соперники, мудрецы, не готовые признать его правоту. В рассказе 19 появляется Шарипутра — уже опытный подвижник, приверженец «иноверцев»: он переходит в ученики к Будде, и «иноверцы» вызывают его на состязание в чудотворстве. Они по очереди являют разные грозные видения в городе Шравасти в присутствии царя Прасенаджита, и в итоге Шарипутра побеждает. Такое состязание между учениками и противниками Будды в Японии вспоминал драматург театра Но Дзэами Мотокиё на рубеже XIV–XV вв., говоря, что именно от тех наваждений берет начало театральное искусство [Дзэами 1989, с. 112]. Завидует Будде и его двоюродный брат Девадатта, строит козни и совершает тяжкие грехи (1–10).

В одном из городов брахманы решают: «Нынче некий бхикшу по прозванию Гаутама ходит в каждый дом и просит еды. Дурно это, неприятно! А ведь по рождению он знатный человек. Говорят, он сын царя Шуддходаны, отказался от царского сана, рехнулся, ушел в горы и стал Буддой. Он смущает людские сердца, многих уже заморочил. Ни в коем случае нельзя подносить ему дары!». Только одна женщина подает милостыню — водой от промывки риса — и Будда ей предсказывает возрождение на небесах. Брахманы спорят с ним, а он приводит сравнение: «Из зернышка меньше горчичного вырастает дерево, и в тени его ветвей могут укрыться пятьсот повозок и больше. Заслуга от малого дара Будде безмерна. В здешнем мире так — а уж тем более в будущей жизни». В итоге брахманы становятся его учениками (1–11). В доме одного иноверца Будду пытаются заманить в западню,

но яма зарастает лотосами, и Будда с учениками остаются невредимы, а злодеи обращаются к Закону (1–12). В богатой семье муж следует за «иноверцами», а жена — за Буддой, к ним один за другим приходят просить подавания ученики Будды, являют чудеса, и в итоге вся семья обретает веру в Закон (1–13).

Вельможа просил «древесных богов» даровать ему наследника, и жена его понесла; Шарипутра предсказывает, что родится мальчик, а «иноверец» — что будет девочка; Будда подтверждает правоту своего ученика, «иноверец» в досаде чарами убивает женщину, а Будда чудом выводит дитя живым из похоронного костра матери (1–15). Завершается эта серия рассказов историей о злодее Ангулимале. Будда мог бы от него скрыться, но злодей его укоряет: «Ты дал обет: ради всех живых, чтобы исполнить их желания, уйти из царского дворца и вступить на путь милосердия ко всем живым. Сегодня я хочу отрезать пальцы тысяче человек, принести в жертву небесным богам и обрести царский сан. Почему же ты противишься моему желанию, жалеешь всего одного пальца?!» Тогда Будда отдает ему палец, но тут Ангулимала раскаивается (1–16).

До сих пор речь шла о тех, кто следовал иным учениям, но под влиянием Будды обратился на истинный путь. В следующей серии рассказов говорится об обращении мирян. Будда решает забрать в общину своего сына Рахулу и посылает за ним ученика, Маудгальяну. Бывшая супруга Будды Яшодхара противится этому, но в итоге отдает сына в монахи (1–17). Затем в общину Будды вступает его единокровный младший брат Нанда; он расстается с любимой женой, после того как Будда показал ему небесных дев и он понял относительность такой вещи, как красота (1–18). Махапраджапати хочет стать монахиней, Будда сначала запрещает ей, но его двоюродный брат Ананда, уже ставший монахом, просит за нее, и Будда соглашается (1–19). Рассказ о том, как монахиней стала Яшодхара, в этом свитке по плану предусмотрен, но от него сохранилось только заглавие (1–20). Далее в общину вступают еще двое двоюродных братьев Будды, Анируддха и Бхадрика, причем оба долго ждут дозволения матерей, да и сами не слишком торопятся расставаться с мирскими удовольствиями; следом за ними в монахи уходит их родич Упали, хотя он и не собирался этого делать, а всего лишь сопровождал братьев в лес (1–21). Семейные связи Будды для составителей *Кондзяку* весьма важны; в общине его окружают почти все те люди, кто был бы рядом, избери он царский

путь. Тем самым индийская древность задает прообраз для японской общины, где в XII в. высшие монашеские должности занимали почти исключительно принцы и близкие родичи сановников из семей Минамото и Фудзивара.

Следующая серия рассказов посвящена тому, как по-разному люди уходят в монахи. Беспутный царский сын принимает постриг за день до смерти и возрождается на небесах (1–22). Два царя обмениваются подарками, состязаясь в щедрости, и один дарит другому изображение Будды; под впечатлением от этой картины царь встречается с Буддой и уходит в монахи, оставив престол наследнику (1–23). Юноша из богатой семьи стал монахом и через несколько лет пришел к дому родителей за подаянием, те его поначалу не узнают, а узнав, отдают ему все свое богатство, но монах его выбрасывает в реку (1–25). В монахи может уйти и старец ста двадцати лет (1–26), и бедняк, в прежних жизнях не накопивший никаких заслуг, лишь однажды произнесший слова «слава Будде!» (1–27). Брахман принимает монашество в пьяном виде, протрезвев, раскаивается, и все равно его поступок приносит добрые плоды (1–28).

Завершается свиток историями о том, как в Индии вводились буддийские обычаи, хорошо известные в Японии. Богач Судатта, спасший страну в пору войны своими деньгами, просит в награду назначить его царем на семь дней и издает указ: чтобы все жители чтили Будду и соблюдали заповеди, то есть отказались от убийства, воровства, распутства, лжи и пьянства (1–29). Бог Индра, отступая после поражения в войне с асурами, останавливается на дороге, чтобы не затоптать муравьев, а враг решает, что Индра ждет подкрепления, и перестает его преследовать (1–30). Тот же богач Судатта, разорившись, жертвует последнее имущество ученикам Будды, богатеет снова и строит обитель для монахов в роще Джетавана — ее название японцам хорошо знакомо, ведь в ее честь называется храм Гион на окраине города Хэйан (1–31). Бедные супруги отдают монахам свою последнюю одежду, и царь с царицей, узнав о том, щедро их награждают (1–32). Еще одна бедная женщина может поднести в дар монахам только нитки, но дает обет: «Хочу я этими нитками собрать вместе всех будд десяти сторон и трех времен, чтобы они все учили меня, и за эту заслугу я сама в итоге бы стала буддой и принесла пользу всем живым!» Будда предсказывает, что ее желание исполнится (1–33). Милостыню может подать и корова: тайком от жадного хозяи-

на она отдает Будде молоко (1–34). Веселые жители города Шравасты одаривают Будду и его учеников, исполняя для них музыку (1–35), а некий брахман обретает заслуги, просто с почтением обойдя Будду по кругу (1–36). Воскликнув «слава Будде!», мальчик спасается от демона-людоеда (1–37), и даже разбойники, пойманные и в наказание искалеченные, исцеляются, восславив Будду (1–37).

Наставления Будды для мирян

Во 2-м свитке Будда с учениками странствует по Индии или живет в обители Джетавана и проповедует по разным случаям. Повествование охватывает время от кончины отца Будды и до той поры, когда он сам стал готовиться к уходу в нирвану. В этот промежуток попадает разрушение города Капилавасту и гибель рода шакьев (см. приложение).

В Китае буддистов часто порицали за отказ от сыновней почтительности: монахи-де уходят из семьи, не заботятся о родителях в старости, сами не поминают предков должным образом и не оставляют потомков, чтобы творили поминальные обряды в будущем. И в китайских, и в японских буддийских текстах особое внимание уделяется примерам, опровергающим это мнение. «Забота о родителях» (孝養, *ко:ё:*) Будде свойственна в полной мере. Он возвращается домой, чтобы проститься с умирающим отцом и потом похоронить его (2–1); поднимается на небо, чтобы встретиться с матерью (2–2). Но ничто в мире не вечно, и никто не может уберечь близких от смерти, а род от вымирания. Будда и его ученики, говоря о верности родству, смотрят глубже и выясняют, по какой причине людям довелось стать друг другу мужем и женой, матерью и сыном, братьями и т. д. В нескольких рассказах говорится о том, как возникает такая связь: началом ее служат совместные дела, благие или злые. Однажды Будда совершает поклонение могиле, где покоится одно из его собственных прежних тел: он тогда пожертвовал собою ради отца (2–4). О некоем больном монахе Будда заботится как о родном, ибо в прежней жизни тот был стражником, а Будда — вором, и стражник вора отпустил (2–3).

Из речей Будды в этом свитке взяты в основном ответы на вопросы о том, как действует закон воздаяния: что хорошего совершили в прошлом те, кто теперь счастлив, и за какие давние грехи страдают те,

кто несчастен. Рассказы продолжают обосновывать обряды и обычаи буддийской общины, прежде всего «поднесение даров» (供養, *күэ*; санскр. *пуджа*), «подавание» (布施, *фусэ*, санскр. *дана*). Для обычных людей милостыня — самый простой способ улучшить будущую участь, а отказывать просящим и обижать их — верный способ обеспечить себя несчастьями на много жизней вперед. Нищенка и рабыня являются после смерти в обликах богинь — они возродились на небесах за малое подавание общине (2–6, 2–7); любимой дочерью царя родилась его бывшая служанка, щедрая к монахам (2–21). Рассказы порой почти дословно повторяют друг друга, меняются только имена героев и подробности⁵. В семье рождается дитя и приносит родным богатство: в руках младенца сами собой возникают золотые монеты, или во дворе появляется колодец с драгоценностями, или случается еще какое-то подобное чудо. Будда объясняет причину: в прежней жизни этот ребенок подавал милостыню (2–8, 2–9, 2–10, 2–11, 2–13, 2–14). Счастьем воздается за починку статуи (2–12), ремонт пагоды (2–15, 2–17, 2–18, 2–40)⁶, воскурение благовоний (2–16). Прохожий показал дорогу монаху и за это родился богом: из руки его каплет чудесная роса, и ею он спасает путников от жажды (2–27). Вор, грабя пагоду, поправил фитиль в светильнике перед образом старинного будды, и за эту заслугу в следующей жизни обретает дар ясновидения (2–19). Человек, давший монаху лекарство, возрождается почти неуязвимым: мачеха пытается его уморить, но он не горит в огне, не тонет в воде и живым выходит из брюха огромной рыбы (2–20). Другой ребенок, царский сын, проглоченный рыбой и спасенный, становится наследником двух царей: своего отца и своего спасителя; причина та же — прежние благие дела (2–26). Узнав о великом богатстве одного из подданных, царь решает его «покарать», но усадьбу богача защищает чудо-воин; по словам Будды, богач в прошлой жизни заботился о больном (2–23). Уже известный читателям *Кондзяку* царь Прасенаджит гневается на дочь за то, что та не рада отцовской любви и заботе (а не рада она, потому что понимает: всякое благо имеет причины в прежних жизнях). Царь выдает царевну замуж за нищего, супруги отправляются на развалины того дома, где вырос муж, и находят клад,

⁵ Такие же серии однотипных рассказов в *Кондзяку* мы найдем, например, в свитках 14-м и 15-м: о чудесах «Лотосовой сутры» в Японии и об уходе японцев в Чистую землю.

⁶ Особое внимание к истории пагод связано, возможно, с тем, что именно эти здания сохранились от времен Будды до той поры, когда в Индии бывали китайские паломники.

так что бедствовать им не приходится. А дело в том, что в прежней жизни эти супруги уже были мужем и женой и вместе чтили одного из древних будд (2–24).

В городе Варанаси некий вельможа молит богов даровать ему сына. Боги долго не могут подобрать никого, чьи заслуги достаточны для рождения в столь влиятельной семье, но в итоге находят небожителя, чей срок жизни на небесах близится к концу. Он рождается сыном вельможи, потом решает стать монахом, родители запрещают, юноша пытается покончить с собой — и не может: благое наследие прежних деяний (宿報, *сюкухо*;) спасает его от падения с горной кручи, от вод морских и от яда. Юноша изобретает сложный способ самоубийства: пробирается в царский сад, крадет одежду у одной из наложниц царя, надеясь, что за это его казнят. Но и тут является неожиданный заступник, и юношу прощают. Будда объясняет: это потому, что в прошлой жизни ты спас от казни невинного (2–25).

Злая судьба тоже обусловлена прежними делами. Один из учеников Будды когда-то убил овцу — и теперь сам убит по ее наущению, ибо она родилась человеком (2–29). Прасенаджит, суровый к своим детям, казнит сыновей от одной из жен, заподозрив их в заговоре, ибо в прошлой жизни царь был быком, а сыновья — людьми, евшими мясо этого быка (2–30). В рассказе 2–31 одна из учениц Будды рассказывает о своей горькой судьбе: первый ее муж умер от змеиного укуса, а вскоре погибли и их дети; второй муж в пьяном виде убил их ребенка; в третий раз она стала женой знатного иноземца, но он умер, а ее по обычаю тех мест хотели заживо похоронить вместе с ним; в четвертый раз ей пришлось стать женой разбойника. Все так случилось потому, что в прошлой жизни она из ревности погубила сына своего мужа от другой женщины. Но когда-то она подала милостыню страннику, а потому смогла теперь стать монахиней. В рассказе 2–32, уйдя в монахи, человек оставляет жену на попечение брата, тот хочет сам на ней жениться, а она тоскует о прежнем муже.

Брат-мирянин подсылает к брату-монаху убийц, однако монах уговаривает их: не убивайте, ведь я еще не виделся с Буддой, лучше отрубите мне руку. Искалеченный, он добирается до Будды и узнает причины всего этого: когда-то он был царем и в гневе повредил руку лесному отшельнику, а потом раскаялся. В рассказе 2–34 человек, изучавший Закон прежних будд не ради освобождения, а чтобы утолить тщеславие матери, рождается ужасной рыбой со ста голова-

ми — в наказание за двуличие. Кто мешает ближним творить добро или бранит монахов, рождается безобразным и больным (2–35, 2–36), попадает в мир «голодных духов» (2–37) или делается рабом (2–40).

Снова и снова ученики спрашивают Будду: почему такой-то человек при всех его благих или дурных прежних делах все-таки смог — и захотел — сейчас встретиться с тобой? Будда неизменно дает объяснения: потому что когда-то помогал последователям прежних будд. Получается, что и в своем решении обратиться к Закону человек не свободен. Не только увечья, бедность и неудачливость, но и пороки, такие как жадность, объясняются наследием прежних жизней: кто подавал милостыню, рождается богатым, но кто при этом жалел отданного имущества, не способен насладиться богатством, копит его, вместо того чтобы тратить (2–41). И даже делами родителей может определяться судьба человека: злой сын уморил мать голодом за то, что она подавала милостыню, в следующей жизни стал монахом (за заслуги матери), но ему никто не подавал (за его собственный грех), а когда товарищи-монахи делились с ним едой, ронял чашку, не мог раскрыть рта и т. д. (2–39). Казалось бы, такой взгляд на воздаяние снимает вопрос о личной ответственности за поступки, и тогда непонятно, как учение может вести к освобождению, как оно может предписывать какой-то образ действий. Вопрос о свободе выбора в буддизме не из тех, какие можно обсуждать в пределах поучительного рассказа; об этом рассуждают и спорят буддийские наставники от древности до наших дней. И все-таки в *Кондзяку* намечен путь ответа на этот вопрос. За каждым человеком тянется долгая история прежних поступков, в этом смысле свобода очень ограничена. Но, по сути, учение о воздаянии не добавляет сюда новых ограничений, а только объясняет старые. А о том, что человеческий выбор ограничен семьей, родом, бедностью (или, наоборот, богатством), велениями царей и т. п., любой из людей знает и так. Кто слушает наставления Будды, тот лишь может эти ограничения для себя привести в систему, осознать их как свое наследие, а не как что-то внешнее. И дальше действовать в тесных рамках своей несвободы.

Несколько рассказов во 2-м свитке построены вокруг наследства в обиходном смысле слова: передачи имущества. В некотором царстве по закону наследовать могут сыновья, но не дочери; в одной семье отец умирает, оставив пять дочерей и сына-калеку, родившегося без глаз, ушей и языка; царь соглашается, что этот сын по праву может

унаследовать отцу. Он родился богатым, но увечным из-за того, что в прошлой жизни лжесвидетельствовал (2–33). Жадный богач умирает, возрождается нищим, приходит просить подаяния к собственному наследнику, а тот его избивает и гонит прочь (2–38). Как земное родительское наследство можно принять или отвергнуть, так, хотя бы до какой-то степени, можно обойтись и с наследием собственных грехов и заслуг. Так обыденная жизнь оказывается источником уроков, которые подтверждаются и углубляются в наставлениях Будды.

Наставления Будды для обитателей разных миров и уход в нирвану

В 3-м свитке речь идет о последних годах Будды, а затем о его уходе в нирвану. Здесь составители *Кондзяку* сталкиваются с существенной трудностью. С одной стороны, несомненно: главные события в истории буддизма произошли при жизни Будды. С другой — в Японии, как и в Китае, принят более поздний извод учения: его называют «Великой колесницей», махаяной, в отличие от ранней «Малой колесницы», хинаяны, и считают более совершенным. Главных отличий три. Во-первых, по учению махаяны, Путь Будды может пройти не только монах, но и мирянин, не только человек, но и животное, и божество, и кто угодно. Во-вторых, махаянское учение нацелено не на собственное совершенствование человека, а на милосердную заботу о других. Здесь подвижники вершат все те же «трудные дела» не затем, чтобы стать «совершенными», архатами, а уж потом трудиться вместе с Буддой, обращая людей к учению, — а чтобы сразу начать передавать заслуги другим. В-третьих, если не обязательно быть монахом, нищим странником, чтобы пройти Путь, значит, возможна государственная монашеская община. Не такая община, как в древности, куда цари приходили вручить дары и спросить совета, но приказать ей ничего не могли, а другая, устроенная наподобие казенного учреждения: правитель выделяет монахам постоянное жалованье, а те в ответ обязуются молиться о правителе и обо всех жителях страны, изучать книги Закона, преподавать их, подвижничеством накапливать заслуги и учить мирян накоплению заслуг. В итоге должно получиться учреждение, которое следит, чтобы мировой закон воздаяния работал на пользу стране. В устах японских монахов назвать кого-то «приверженцем Малой колесницы» — серьезное порицание:

прежде всего за узость взгляда, сосредоточенность на чисто монашеских делах, за недостаток милосердия; на слух мирян, эти же слова звучат как обвинение в неблагонадежности. И все-таки первыми учениками Будды были именно архаты, и особенно хорошо это видно не из ученых трактатов, а из преданий о жизни Шакьямуни.

Как же быть? Как найти место для махаяны в тех годах, самых важных для всей будущей истории буддизма? Китайские наставники разработали несколько решений этого вопроса. Например, разделили проповедь Будды на этапы: сначала, сразу после просветления, он изложил махаянское учение (предельно истинное), затем хинаянское (подготовительное), а потом опять махаянское (уже окончательное). Но к кому обращался Будда в самом начале? Ответ гласит: к бодхисаттвам, то есть к себе подобным: к таким существам, которые уже почти прошли Путь, могли бы и сами стать буддами, но не сделали этого, а остались в мире страстей и страданий, чтобы заботиться о его обитателях. А еще к богам, чье могущество и счастье столь велики, что им рассказывать о страданиях, причинах страданий и т. д. пока бесполезно. Закон воздаяния боги понимают хорошо, но желания вырваться из круговорота рождений и смертей у них нет — зато достаточно воли, чтобы помогать Будде. Затем Шакьямуни идет к людям, начинает учить их — от простого к сложному, со временем опровергает свои прежние наставления или уточняет их настолько, что кажется, будто все прежде сказанное было ложным. Здесь для слушателя главное не сделаться приверженцем какой-то одной проповеди, а слушать дальше. Это трудно, особенно для тех, кто уже стал архатом.

Не зря же полная картина мироздания включает в себя не шесть миров, а десять: миры ада, голодных духов, животных, людей, асур и богов, а также «слушателей голоса» (ближайших учеников Будды и тех, кто их берет себе за образец), «подвижников-одиночек», пратьекабудд (кто вершит «трудные дела» самостоятельно), милосердных бодхисаттв и собственно будд. По этой схеме, у архатов и бодхисаттв — разные пути, хоть и ведут они к одной цели. Кроме того, получается, что другие будды — это не только предшественники Шакьямуни и те, кто придет после него; в дальних областях мироздания есть свои будды, а именно те бодхисаттвы, кто уже сделал последний шаг, «прошел свой Путь до конца». И на завершающем этапе Будда обращается ко всем так, как если бы между богом, бодхисаттвой, человеком, зверем, демоном и самим Буддой не было различий. Это понять особенно

трудно: не случайно в «Лотосовой сутре», главной для японцев махаянской книге, часть слушателей просто уходит с горы Гридхракуты, когда Шакьямуни начинает проповедь на таком предельном уровне истины.

В 3-м свитке *Кондзяку*, как и во всем собрании, нет четкого разделения проповеди Будды на этапы и уровни. Но махаянское содержание в рассказах появляется как раз тут, в последней трети повествования о жизни Будды. О других буддах, как и о наставниках махаяны, речь пойдет в следующем свитке. А здесь пока говорится о том, как Будду Шакьямуни слушали миряне — и, не становясь монахами, сразу достигали просветления. Здесь же действуют уже не только боги, как в двух предыдущих свитках, но и бодхисаттвы. Кроме того, Будда и его ученики дают наставления драконам, птицам и прочим существам не из мира людей. В нескольких рассказах герои применяют «уловки» (方便, *хо:бэн*) — хитрые способы обратиться к Закону тех, кто Будде упорно не верит.

Мирянин Вималакирти в небольшом домике принимает несметное множество будд, бодхисаттв и богов; преодолевая старческую немощь, он сам приходит к Будде Шакьямуни и спрашивает, какие заслуги обретет; Будда его заверяет, что огромные (3–1). В час рождения бодхисаттвы Манджушри является не меньше благих знамений, чем при рождении Шакьямуни; прежде Манджушри был учителем, а Шакьямуни — учеником, но теперь Буддой стал ученик, а учитель — его последователем; коль скоро имя Манджушри (文殊, Мондзю) означает Отмеченный Знаками, он покровительствует астрологам и прочим толкователям «знаков» судьбы, то есть небуддийским наставникам (3–2). Маудгальяяна решает проверить, как далеко слышен голос Будды, и переносится в дальний мир, населенный великанами; его самого там принимают за насекомое, но голос Шакьямуни слышат и там, при том что там проповедует и свой будда (3–3). Снискав почтение многих мирян, Шарипутра часто принимает подношения и от этого толстеет; Будда сравнивает его с худым Рахулой, Шарипутра обижается и на время уходит в затворники; так добрые дела мирян обращаются не ко благу монаха, а наоборот (3–4). Маудгальяяна, лучший чудотворец в общине, и Шарипутра, самый мудрый ученик, состязаются в чудотворстве; рассказчик замечает: неудивительно, что и в наше время монахи тягуются друг с дружкой, если даже ученикам Будды не чуждо было соперничество (3–5). Шарипутра свысока

смотрит на Ананду, который обладает хорошей памятью, но и только; Шарипутра принимает милостыню не по правилам, и Ананда превращает его в быка, чтобы вразумить (3–6).

Завидую учителю, ученик одного из архатов умирает и рождается злым драконом, но потом раскаивается (3–7); простой пастух, обиженный властями, возрождается драконом, чтобы наслать на царя и царство всяческие бедствия, Будда успокаивает его и навсегда оставляет в его пещере свою тень (3–8). Драконы могучи, но и им грозят опасности — например, птицы-гаруды воруют их детей; укрыв гнездо лоскутом от монашеского плаща, дракон спасает свое потомство (3–9). У гаруд тоже есть враги — демоны-асуры; птенцов гаруд спасает еда, приготовленная для монашеской трапезы (3–10).

Человек из разгромленного царства шакьев попадает в страну драконов, женится на тамошней царевне, потом отвоевывает свое царство, становится царем, а дочь дракона — царицей; супруги любят друг друга, но по ночам ее волосы преобразуются в змей, муж отрубает их, и жена предрекает, что теперь все жители царства будут страдать головными болями (3–11). В доме богача Судатты живут говорящие попугаи; Ананда проповедует для них Закон, птицы вскоре погибают и возрождаются на небе (3–12). Будда рассказывает, отчего его брак с Яшодхарой не был счастливым: в одной из прошлых жизней они были супругами, бедными изгнанниками, и однажды муж в одиночку съел черепаху, добытую на пропитание обоим, а жене солгал, что черепаха ожила и уползла (3–13). Казалось бы, не разлучаться из века в век — редкое счастье, о таком японские влюбленные молят богов и будд во многих повестях эпохи Хэйан — а эти супруги, встречаясь в каждом новом рождении, приносят друг другу горе, а не радость.

Следующие рассказы, похожие на волшебные сказки, тоже развивают тему относительности блага и зла. У царя Прасенаджита и его красавицы-супруги рождается безобразная дочь; много лет царевну прячут от всех. Когда к ней начинают свататься женихи из ближних стран, царь-отец — чтобы не ссориться с соседями — выдает дочь замуж за своего подданного. Любопытные придворные однажды, напоив мужа допьяна, пытаются подглядеть за его женой. А в это время царь принимает у себя Будду с учениками; царевна, сидя взаперти, сетует, что не может послушать их наставления, взывает к Будде — и тот изменяет ее облик, царевна становится прекрасной, словно будда. По словам Шакьямуни, в прежней жизни она была служанкой, по веле-

нию хозяина подносила дары монахам и злословила над внешностью одного из них (3–14). У другого царя рождается безобразный царевич, и его также растят в строгой тайне; когда стране угрожает вражье войско, он выходит на бой, взяв дедовский богатырский лук, и враги в страхе бегут. Затем царевич женится на царевне из дальней страны, но посещает супругу только по ночам, чтобы она не видела его; козни придворных нарушают тайну, супруга покидает царевича, тот пытается покончить с собой, но боги его спасают, и Индра изменяет его внешность, делает красавцем. Царевич отправляется на поиски жены и находит ее, а в придачу получает и ее родное царство, так что в итоге становится правителем двух стран. Причина его доблести и уродства в том, что в прошлой жизни он подал монаху масла, но не очищенного, а мутного (3–15). Бедная девушка отвергает ухаживанья царя, говоря, что должна заботиться о старушке-матери, и становится царицей (3–16); монах много лет проводит в тюрьме, несправедливо обвиненный в воровстве; он не пытается оправдаться, а принимает кару, желая поскорее изыть плоды прежних злых деяний (3–17); двое архатов состоят служками при обычном монахе, хоть он ничему и не может их научить (3–18).

Относительность блага и зла не отменяет воздаяния. В рассказе 3–20 Будда сообщает мирянину: твой отец возродился псом в твоём доме. Сын проверяет это и узнает, где отец зарыл сокровища. Затем герой рассказа спрашивает: «Почему те, кто накопил заслуги, сходят в подземные темницы, а кто грехами создавал себе помехи, рождаются в Чистой земле? Почему одни люди богаты, другие бедны? Почему у одних в жизни все идет, как им хочется, и потомки их процветают, а другие бедствуют и остаются одинокими? Почему одни спокойно доживают до ста лет, а другие страдают и умирают? Почему одни красивые, а другие уродливы? Почему кого-то убивают, почему кого-то презирают?» — и Будда отвечает: «Если кто-то накопил заслуги, но сошел в подземные темницы, значит, он в смертный час встретился с теми, с кем связан дурной связью, и впал в гнев. Кто совершил злодеяния, но родился в Чистой земле, тот в час кончины встретился с мудрыми друзьями и памятовал о буддах. Кто в этой жизни богат, тот в прошлой жизни охотно подавал милостыню. Кто в этой жизни беден, в прошлой жизни не помышлял о подаянии. Чьи дети и внуки процветают, тот в прошлой жизни, видя других людей, думал о них как о своих детях. Кто одинок, в прошлой жизни дурно обходился с

людьми. Чья жизнь долгая, тот в прошлой жизни отпускал живых на волю. Чья жизнь коротка, тот в прошлой жизни любил убивать живые существа. Кто красив, тот в прошлой жизни улыбался родителям. Кто безобразен, гневался на родителей. Кого почитают, тот в прошлой жизни почитал людей. Кого презирают, тот в прошлой жизни пренебрегал людьми».

Служанка, много лет убирая отхожие места, обретает совершенство архата (3–21). Жадный богач Ручика в пьяном виде оскорбляет бога Индру, тот принимает его обличье и начинает раздавать людям его богатства, и лишь с большим трудом ближние выясняют, который Ручика настоящий (3–22). Ученик Будды по имени Пиндола в доме жадной женщины внезапно якобы умирает, и его тело никак не могут сдвинуть с места; в итоге хозяйка все-таки подает ему милостыню (3–23). Маудгальяна показывает своему младшему брату небесные красоты и побуждает творить добро, чтобы возродиться на небе (3–24). Царь запрещает женам слушать наставления Будды, одна из них нарушает запрет, царь пытается застрелить ее из лука, но промахивается снова и снова и в итоге сам обращается к Закону (3–25). Будда отправляет учеников проповедовать в дальние страны, один из них, Катьяяна, приходит в царство Гандхара и решает начать с царя, ибо считает, что вслед за правителем к учению обратятся и подданные. За трапезой он равно хвалит и лучшие кушанья, и худшие, чем удивляет царя, а потом знакомит его с миряночкой, которая отрезала и продала свои прекрасные волосы, чтобы совершить подношение монаху. Царь женится на этой женщине и принимает Закон Будды (3–26). Злой царь Аджаташатру заточает отца в темницу (где тот умирает) и едва не убивает мать. Придворный врач Дживака убеждает его покаяться: «Будда глядит и на тех, кто вершит добрые дела, и на тех, кто творит зло. Он равно милосерден ко всем живым, как к своим детям». Аджаташатру сомневается, что Будда станет его слушать, и все же идет к Шакьямуни — а тот уже дает свои последние наставления в роцце, откуда вскоре уйдет в нирвану, учит «о природе будды, что пребывает вечно» — то есть говорит о сути учения махаяны. Будда принимает покаяние Аджаташатру и предсказывает, что в будущем царь обретет освобождение (3–27).

Завершают свиток рассказы о том, как Будда объявил ученикам о своем скором уходе (3–28), принял последнее подношение от мирянина Чунды (3–29), в последний раз поговорил с Рахулой, показав,

что сохранил привязанность к сыну (3–30); как после кончины тело Будды положили в гроб (3–31) и как ученик по имени Кашьяпа, пришедший в рощу слишком поздно, горевал над учителем (3–32); как царица Майя сошла с неба оплакать сына и Будда восстал из гроба, чтобы почтительно проститься с матерью (3–33); как тело Будды сожгли, а боги, люди и все живые существа оплакивали его (3–34) и как восемь народов Индии разделили между собой его прах (3–35). И так, повествование об уходе Будды возвращается к теме семейных связей. Для тех, кто пока не выходит из круговорота рождений и смертей, существуют страдания разлуки с близкими, но страдания эти преходящи, надежда на встречу в будущей жизни сохраняется. А нирвана подводит окончательную черту. Но и из-за этой черты, уже не со смертного одра, а из гроба Шакьямуни несколько раз отзывается на мольбы: связь, завязанная с Буддой, оказывается сильнее не только смерти, но и нирваны.

Если смотреть на *Кондзяку* исходя из того, каким стал японский буддизм в конце эпохи Хэйан, то в свитке 3-м примечательны рассказы об Аджаташатру и Кашьяпе. Великое множество других монахов и мирян, с кем Будда беседовал перед уходом (о чем говорится, например, в махаянской «Сутре о нирване»), сливается в единую толпу скорбящих, а об этих двоих сказано отдельно. Возможно, такой выбор означает, что для составителей *Кондзяку* уже были особенно значимы две традиции, которые вскоре, в конце XII в., станут самостоятельными школами: традиция «созерцания», *дзэн*, возводимая к Кашьяпе, и амидаизм, для которого предание об отцеубийце Аджаташатру составляет часть одной из основополагающих сутр.

Заключение

Первые три свитка *Кондзяку* трудно назвать последовательным изложением легенды о Будде. Здесь пропущены многие важные эпизоды (например, все искушения демона Мары сведены к одному), некоторые дублируются (таковы примеры воздаяния за щедрость), и хотя существенных добавлений нет, в японском пересказе отрывки из текстов китайского буддийского канона заметно меняются. Дело здесь не только в сокращении подробностей и развертывании диалогов: значимы порядок рассказов и переключки мотивов, которые повторяются на протяжении всех трех свитков. «Японское» качество рас-

сказов состоит, на мой взгляд, прежде всего в выборе этих мотивов. Итак, каким же должен быть, согласно *Кондзяку*, японский буддист, если он хочет следовать примеру Будды? Разумеется, милосердным; несомненно, понимающим всеобщий закон воздаяния. Но помимо этого ему следует не просто чтить родителей (эта тема выделена уже в китайских источниках рассказов), но и быть внимательным к другим родичам, совершенствоваться вместе с ними. Он должен постоянно помнить, что боги — рядом, что и с богами, и с животными, и с людьми, казалось бы, совсем посторонними он связан крепкой связью из прежних жизней. Личным делом человека подвижничество быть не может, остается лишь укреплять добрые связи с ближними и пытаться ослабить дурные. В этом смысле *Кондзяку* вполне подтверждает мнение многих историков японских религий, что применительно к эпохе Хэйан говорить о личной буддийской религиозности еще рано. Зато о коллективной — вполне возможно: «уходя из дому» или оставаясь в миру, человек в любом случае приносит в буддийскую общину свои семейные связи, связи с местом, где родился, и с тамошними богами. А дальше может выбирать, кем быть в общине: книжником, проповедником, чудотворцем, мастером хитрых «уловок», строителем храмов, щедрым дарителем или просто искренне верующим; любой из этих путей может привести к цели, о чем и свидетельствуют отобранные в *Кондзяку* истории из времен Будды.

В приложении к статье мне хотелось бы показать три рассказа. Первый звучит неожиданно современно: в нем люди из-за ложных взглядов сами разрушают свою среду обитания. Во втором ставится вопрос о буддийском отношении к войне. Третий показывает, почему Дзэами и его продолжатели в преданиях о Будде видели начало театра: можно сказать, что здесь Будда и его приверженцы ради благого дела разыгрывают фарс наподобие *кёгэн*.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дзэами 1989 — Дзэами Мотокиё. Предание о цветке стиля (Фусикадэн), или Предание о цветке (Кадэнсё) / пер. со старояп., исслед. и коммент. Н. Г. Анариной. Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989.

Касиваги 2016 — Касиваги Ясуко. Кондзяку моногатари-сю: Тэн-дзи кубу-оБуцу дэнто: ситэ ёму тамэ-ни (кэнкю: но:то) [К прочте-

нию индийской части «Собрания стародавних повестей» как легенды о Будде]. Ямагути дайгаку тэцугаку кэнкю: [Философские исследования университета Ямагути]. 2016. Вып. 23. С. 41–68.

Коминэ 1980–1981 — Коминэ Кадзуаки. Кондзяку моногатари-сю: Тэндзикубу-но кэйсэй то ко:дзо: [Состав и структура индийской части «Собрания стародавних повестей»]. *Journal of cultural and social science*. 1980. Vol. 15, pp. 1–25; 1981. Vol. 16, pp. 1–24.

Кондзяку 1993–1999 — *Кондзяку моногатарисю*: [Собрание стародавних повестей] / под ред. Конно Тоору, Икэгами Дзюнъити, Коминэ Кадзуаки, Мори Масато. Токио: Иванами, 1993–1999. Син Нихон котэн бунгаку тайкэй [Новое больше собрание памятников японской классической литературы]. Т. 33–37).

Кондзяку 2018 — *Кондзяку моногатарисю*: [Собрание стародавних повестей] / под ред. Накагава Сатоси. *Yatanavi*. 2018. http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html; https://edb.kulib.kyoto-u.ac.jp/exhibit/konjaku/kj_top.html

Сюань-цзан 2012 — Сюань-цзан. Записки о Западных странах [эпохи] великой Тан (Да Тан си юйцзи) / пер. Н. В. Александровой. Москва: Восточная литература, 2012.

Трубникова 2018 — Трубникова Н. Н., Бабкова М. В. «Собрание стародавних повестей» в оценках исследователей: основные вопросы и трудности. *Ежегодник Японии*. 2018. Т. 47. С. 162–202.

Chaudhuri 2003 — Chaudhuri S. K. *Hindu Gods and Goddesses in Japan*. New Delhi: Vedams eBooks, 2003.

Khanna 2000 — Khanna A. *Jataka Stories in Japan*. New Delhi: B. R. Publishing, 2000.

Konjaku 2015 — Dykstra, Yoshiko (trans). *Buddhist tales of India, China, and Japan: a complete translation of the Konjaku monogatari-shū*. Honolulu: Kanji Press, 2015. Vol. 1–3.

REFERENCES

Zeami, M. (1989). *Kadensho (Fūshi Kaden)* [The Transmission of the Flower of Acting Style] (N. Anarina, Trans.). Nauka. (In Russian).

Chaudhuri, Saroj Kumar (2003). *Hindu Gods and Goddesses in Japan*. Vedams eBooks.

Dykstra, Y. (2015). *Buddhist tales of India, China, and Japan: a complete translation of the Konjaku monogatari-shū* (Vol. 1–3). Kanji Press.

Kashiwagi, Y. (2016). *Konjaku monogatari-shu Tenji kubu-o Butsu dento: shite yomu tame-ni (kenkyu noto)* [A Note for the Reading of “Tenjiku” Section of Konjaku-monogatarishu as a Life of Sakyamuni Buddha]. *Yamaguchi daigaku tetsugaku kenkyu*, 23, 41–68. (In Japanese).

Khanna, A. (2000). *Jataka Stories in Japan*. B.R. Publishing.

Komine, K. (1980–1981). *Konjaku-monogatarishu Tenji kubu-no keisei to kozo* [The Formation and Structure of Konjaku-Monogatarishu Tenjikubu]. *Journal of cultural and social science*, 15, 1–25; 16, 1–24. (In Japanese).

Konno, T. et al. (Eds.). (1993–1999). *Konjaku monogatarishū*. Iwanami, (SNKBT series) (Vol. 33–37). (In Japanese).

Nakagawa, S. (Ed.). (2018). *Konjaku monogatarishū*. http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html. (In Japanese).

Trubnikova, N., Babkova, M. (2018). “Sobraniye starodavnykh povestey” v otsenkakh issledovatelye: osnovnyye voprosy i trudnosti [Konjaku monogatarishū in Scholar Appreciation: Main Issues and Problems]. *Yearbook Japan*, 47, 162–202. (In Russian).

Xuanzang (2012). *Zapiski o Zapadnykh stranakh [epokhi] velikoy Tan* [Notes on the Western Countries of the Great Tang (Da Tang si Yuji)]. (N. Alexandrova, Trans.). Vostochnaya Literatura. (In Russian).

Приложение

1–14. Рассказ о том, как Будда вошел в город брахманов и обратил их в свое учение

В стародавние времена в городе брахманов не было Закона Будды, все следовали за иноверцами и изучали их книги. Чтобы обратить город к учению, Будда вошел туда.

В ту пору в городе был иноверец Самая. Он учил жителей:

— В ваш город придет шрамана Гаутама. Это очень дурной человек. Кто богат, тем он скажет: мирское бесполезно, накапливайте заслуги! — и люди из-за него лишатся имущества, станут бедняками. Любящие супружеские пары он научит: мир непостоянен, подвижничайте по Закону Будды! И супруги расстанутся. Как увидит красивую женщину в расцвете лет, станет уверять: мир ничтожен, стань монахиней! — и заставит ее обрить голову. Так он

учит, обманывает людей, вводит в убыток, разлучает, уродует — вот каков злодей!

Горожане спрашивают: вот придет этот шрамана — и что нам делать? Иноверец их учит:

— Шрамана Гаутама останавливается только у чистых рек, возле прозрачных озер, в тени густых деревьев. Вылейте в реку нечистоты, вырубите деревья, а двери домов закройте. А если он все-таки придет, то берите луки, стрелы и стреляйте в него!

Тогда горожане по наущению иноверца испоганили реку, вырубili деревья, вооружились луками и стрелами, мечами и палками и ждут. Будда со множеством учеников подошел к городу, молвит:

— Вы не верите моему учению и в итоге сойдете на три дурных дороги, бесчисленные кальпы⁷ будете терпеть беспрестанные муки без надежды выбраться. Горько и жалко!

И когда он так сказал, пруды и реки очистились, во всех них раскрылись цветы лотосов, деревья снова выросли, земля стала золотой, серебряной, лазуритовой. Луки и стрелы, мечи и палки в руках у горожан все обратились в лотосы, и люди их поднесли Будде.

Тут горожане все поклонились, касаясь земли пятью частями тела⁸, и говорят:

— Слава тебе, Шакьямуни, прошедший свой путь, кланяемся тебе и ищем у тебя прибежища! Кланялись лбами в землю, каялись в грехах. И за это благое дело жители города постигли нерожденность и обрели терпение Закона⁹. Так передают этот рассказ.

2–28. Рассказ о том, как царь Вирудхака истребил род шакьев

В стародавние времена в Индии было царство Капилавасту, родина Будды. Все родичи Будды жили в том царстве. Звался их род родом шакьев, были они в своем царстве самыми знатными людьми. И во всех пяти частях Индии почитали род шакьев из царства Капилавасту.

⁷ Кальпа劫, *ко:*, — немислимо долгий промежуток времени.

⁸ Ладонями, коленями и лбом.

⁹ 無生法忍, *мусэ:бо:нин*, терпение, основанное на понимании того, что по сути в мире ничто не рождается и не гибнет, что круговорот перерождений лишь видимость. Такое понимание мира соотносится с махаяной, а не с ранним буддийским учением.

И был среди них человек по имени Шакья Маханаман¹⁰, старейшина царства, мудрый и проницательный безмерно. Потому его и считали учителем страны, все учились у него.

В ту пору у царя Прасенаджита в царстве Шравастии было много жен, но он задумал взять себе царицу из царства Капилавасту, из рода шакьев. Послал гонца в Капилавасту к тамошнему царю: в моем царстве, мол, есть много цариц, но все худородные. Если пришлешь мне девушку из шакьев, сделаю ее царицей!

Царь Капилавасту это услышал, собрал всех сановников и мудрецов, стали держать совет:

— Царь Прасенаджит из Шравастии хочет взять в жены женщину из Капилавасту, из рода шакьев. То царство уступает нашему. Даже если он нашу девушку сделает царицей — как можем мы ее туда отдать? Но если не отдадим, он на нас пойдет войной, а царство у него сильное, мы не выстоим!

Так они совещались, не знали, на что решиться, и тут один мудрый сановник говорит:

— У Шакьи Маханамана в доме есть девица Такая-то, дочь рабыни, красавица. Скажем, что она из рода шакьев, и отошлем туда. Что думаете?

Царь, а за ним и сановники говорят: хорошо! На том и порешили. Нарядили дочь рабыни, объявили, что она из рода шакьев, и отправили в Шравастии.

Царь Прасенаджит ее принял, смотрит — а она прекрасна безмерно! Из множества его жен с нею ни одна не сравнится. А потому царь ею стал дорожить бесконечно. Звали же ее госпожа Маллика.

И вот, родила она двоих сыновей. Когда старшему исполнилось восемь лет, он вошел уже в разум, говорит:

— Царство Капилавасту — родина матушки-царицы, нам не чужое! И мудростью оно превосходит прочие царства. Там есть человек по имени Шакья Маханаман. Он мудр, проницателен, богаче всех. Говорят, если в руки ему попадут черепки и камешки — обратятся в золото и серебро! Потому он и стал великим старейшиной при тамошнем царе, а еще учителем страны, все следуют за ним, учатся у него. В нашем царстве нет человека, равного ему. К тому же я сам из рода шакьев. Так пойду же учиться у него!

¹⁰ Двоюродный брат Будды, брат его ученика Анируддхи.

И пустился в путь. Его сопровождал сын сановника, одних с ним лет.

Прибыли в то царство, смотрят — посреди города новые большие палаты. В них поперек стоит высокое сиденье для Шакьи Маханамана. Перед ним сиденья для учеников-шакьев. А поодаль рядами — сиденья для тех учеников, кто не из рода шакьев.

Тогда сын царя Прасенаджита — звали его царевичем Вирудхаккой — поднялся на сиденье для шакьев, думает: я ведь тоже из рода шакьев! А люди это увидели и говорят:

— Это сиденье — для шакьев, для тех, кто сидит перед Великим учителем, Шакьей Маханаманом, учится у него! А ты, хоть и царевич, сын царя Прасенаджита, — родила тебя дочь рабыни из нашего царства. Как же ты смеешь занимать это сиденье?!

И согнали его. Царевич Вирудхака думает: какой страшный позор! И в печали говорит своему спутнику, сыну сановника:

— В нашем царстве никто не должен узнать, что меня согнали с того сиденья! Если когда-нибудь я стану царем у себя на родине, я весь род шакьев покараю. А до тех пор никому ни слова!

Так он поклялся и вернулся в свое царство.

А потом царь Прасенаджит умер¹¹. Царевич Вирудхака стал царем. А тот сын сановника, кто его сопровождал, стал его советником. Звали его Жестоким¹². Царь Вирудхака и Жестокий говорят меж собой: мы ведь до сих пор не исполнили того, о чем давным-давно договорились в царстве Капилавасту! Так покараем же теперь род шакьев, пойдем войной на их царство! Подняли в своем царстве войско неисчислимое и вторглись в царство Капилавасту.

Тут Маудгальяяна о том прослышал, поспешил к Будде и говорит:

— Царь Вирудхака из царства Шравасты хочет истребить род шакьев, вторгся в нашу страну с неисчислимым войском. Множество людей, все шакьи, будут убиты!

Будда молвил:

— Если кому воздается смертью от рук убийцы, что поделаешь?

¹¹ Повествователи в *Кондзяку* непоследовательны: в одних рассказах этот царь, примерный ровесник Будды, умирает раньше него, а в других переживает его.

¹² Санскритское имя советника точно не восстанавливается; в китайских версиях предания оно переводится как 好苦梵志, яп. Коку-бонси, где Коку означает «страсть и страдание» или «страсть к страданиям», а бонси – «брахман» (человек из жреческого рода) или «брахмачарин» (человек, выбравший для себя путь искателя мудрости).

Моих сил не хватит.

И вышел к той дороге, по которой должен был идти царь Вирудхака, сел под сухим деревом.

Царь Вирудхака ведет войско, вошел в царство Капилавасту, видит вдалеке: Будда сидит один. Поспешил сойти с колесницы, поклонился и спрашивает:

— О Будда, почему ты тут сидишь под сухим деревом?

Будда отвечает:

— Роду шакьев грозит гибель, потому и сижу я под сухим деревом.

Вирудхака при этих словах смутился, развернул войско и вернулся восвояси. А Будда возвратился на Священную Орлиную гору.

Потом прошло время, Жестокий говорит царю Вирудхаке: нужно все-таки покарать шакьев! Царь это услышал, снова собрал войско и, как в прошлый раз, двинулся к городу Капилавасту.

Тогда Маудгальяяна пришел к Будде и говорит:

— Войско царя Вирудхаки уже на подходе! Я переброшу Вирудхаку с четырьмя родами его войск куда-нибудь в иные миры!

Будда молвит:

— А воздаяние, наследие прежних жизней рода шакьев ты тоже перебросишь в иные миры?

Маудгальяяна говорит:

— В самом деле, наследие прежних жизней шакьев, их воздаяние, я не смогу забросить в иные миры.

И снова Маудгальяяна говорит Будде:

— Я перенесу город Капилавасту, подниму его в воздух!

— А воздаяние, наследие прежних жизней шакьев ты тоже поднимешь в воздух? — говорит Будда.

— Нет, наследие прежних жизней я поднять в воздух не смогу.

И снова говорит:

— Я накрою Капилавасту сверху железным куполом!

— А воздаяние [за прежние дела] ты тоже накроешь железным куполом?

— Воздаяние за дела прежних жизней, не смогу [накрыть].

И снова говорит Маудгальяяна:

— Я посажу шакьев в свою чашу и скрою в воздухе¹³. Что скажешь?

¹³ О немислимой вместиности чаши Маудгальяяны говорилось в рассказе 1–10.

Будда молвит:

— Если даже ты скроешь в воздухе воздаяние, наследие прежних жизней, трудно будет его избежать!

И лег, мучась головной болью.

Царь Вирудхака с четырьмя родами войск подошел к Капилавасту. Тогда все шакьи вышли защищать город, взяли луки и стрелы, стали стрелять — и из воинов Вирудхаки не осталось ни одного, в кого бы они не попали. Все полегли — однако не погибли. Так войско Вирудхаки смешалось, на приступ не пошло.

Советник Жестокий говорит царю Вирудхаке:

— Хотя шакьи и весьма искусные воины, все они соблюдают заповеди, а потому не вредят даже букашкам. Что уж и говорить об убийстве людей! Вот почему они не стреляют по-настоящему. Нужно не теряться, идти на приступ!

Воины услышали эти слова, без страха пошли на приступ, и тогда шакьи не устояли, отступили в город. Вирудхака стоит под стенами города, кричит:

— Эй, вы! Скорее открывайте ворота! Не откроете — всех истреблю до единого!

В ту пору в городе Капилавасту жил один отрок из рода шакьев. Было ему пятнадцать лет, звали его Сьяма. Он услышал, что царь Вирудхака стоит под городом, надел доспех, взял лук и стрелы, поднялся на стену и один стал стрелять по войску Вирудхаки. Многих перебил, все от него побежали. Царь испугался безмерно. А шакьи услышали, позвали Сьяму и говорят:

— Ты годами юн, что же ты отвернулся от нашей общины? Неужто не знаешь, что шакьи исполняют благой Закон, не убивают даже букашки?! И уж тем более людей! Уходи сейчас же прочь!

И Сьяма тотчас вышел из города и скрылся.

Царь Вирудхака у ворот, кричит: сейчас же открывайте! Тогда один демон принял обличье шакьи и говорит:

— Скорее откройте городские ворота! Не сражайтесь [понапрасну].

Тогда шакьи ворота [открыли], а царь Вирудхака говорит: этих шакьев очень много. Мечами мы их всех перебить не сможем. Давите их слонами! Так он приказал своим людям, велел затоптать всех насмерть.

И еще царь велел своим людям: выберите пятьсот красивых женщин из рода шакьев и приведите ко мне. Люди по его приказу привели царю пятьсот красавиц. Царь говорит женщинам:

— Не бойтесь и не сетуйте! Я теперь ваш муж. А вы — мои жены!

Выбрал одну из красавиц рода шакьев, стал тискать ее. А она говорит: великий царь, зачем это? Он ей: хочу сойтись с тобой. Женщина говорит:

— Как же я, шакья, сойдуся теперь с царем, рожденным от рабыни?

Тогда царь в великом гневе велел своим людям отрубить этой женщине руки и ноги, а ее бросить в глубокую яму. А остальные женщины шакьев, все пять сотен, бранят царя: кто захочет сойтись с царем, рожденным от рабыни?! Царь разгневался еще больше, велел всем пяти сотням женщин отрубить руки и ноги, а их сбросить в глубокую яму.

Тогда Маханаман говорит царю: исполни мою просьбу! Царь ему: чего ты хочешь? Маханаман говорит:

— Я брошусь в воду. А ты отпусти столько шакьев, сколько сумеет уйти, пока я продержусь под водой!

Царь говорит: будь по-твоему. Тогда Маханаман бросился в воду, волосами привязал себя к корню дерева и погиб. А шакьи пустились бежать: кто выбегает в восточные ворота — вбегает обратно в южные, кто выбегает в южные ворота — вбегает в северные.

Царь говорит свои людям: почему Маханаман до сих пор не вынырнул? Люди отвечают: Маханаман там в воде умер. Царь видит, что Маханаман умер, в досаде говорит:

— Мой дед скончался, ибо он любил всех своих родичей!

Шакьев, убитых царем Вирудхакой, было девять тысяч девятьсот девяносто девять человек. Одних зарыли в землю, других потоптали слонами. Кровь их стеклась в целое озеро. Все дворцы и палаты в городе сгорели дотла. А потом Вирудхака увел войско к себе в царство.

Маудгальяна вынул из чаши тех шакьев, кого он прятал в небе, и видит: они в его чаше все умерли, ни одного живого не осталось. Будда говорил: таковы плоды воздаяния, их не избежать, — и не ошибся.

Будда молвит:

— Царь Вирудхака и его воины все умрут через семь дней.

Царь о том прослышал, испугался, уstraшилcя, объявил воинам. Советник Жестокий царю говорит:

— О великий царь, не бойся! Границам нашим никто не угрожает, бедствия никакого нет.

Царь, чтобы успокоиться, отправился на берег реки Аджиравати¹⁴ со своими людьми и с девушками. Они пировали, веселились — и вдруг ударила страшная молния, налетел ветер, полил дождь, царя и всех, кто был с ним, смыло водой, и они погибли. И все сошли в подземные темницы Авичи¹⁵. И еще с неба грянул огонь, и все дворцы в городе сгорели. А убитые шакьи все возродились на небе. Потому что соблюдали заповеди!

Тогда монахи-бхикшу, ученики Будды, спросили у него: какие же дела шакьев причиной тому, что все они убиты царем Вирудхакой?

Будда молвит:

— В древности в Раджагрихе была рыбацкая деревня. В мире настала засуха. Возле той деревни было большое озеро. Люди из города приходили к озеру, ловили рыбу и ели. А в озере жили две рыбы. Одну звали Хваткая, а другую Многоязыкая. Рыбы говорят меж собой: хотя мы в прошлом рождении не причиняли вреда людям, теперь они нас едят. Если есть у нас в прежних жизнях хоть немного причин для удачи, мы непременно за эту злобу им воздадим! А в деревне в ту пору жил один мальчик лет восьми. Он рыбу не ловил. Но когда рыб вытаскивали на берег, смотрел и дивился. Знайте же! Тогдашние жители Раджагрихи — это нынешний род шакьев. Древняя рыба Хваткая — это ныне царь Вирудхака. А рыба Многоязыкая — это Жестокий. Тот мальчик, кто смотрел на рыб и смеялся, — это теперь я сам. Я ударил рыбу по голове, и у меня в эти дни болит голова. Шакьи ловили рыб — и за тот грех на бесчисленные кальпы сошли в подземные темницы, принимали муки. Наконец родились людьми, встретились со мной, но тогдашнее воздаяние ощутили вот так. А царь Вирудхака, советник его Жестокий и их войско за то, что истребили род шакьев, сошли в подземную темницу Авичи.

Так проповедал Будда и так передают этот рассказ.

¹⁴ На берегах этой реки позже развернется действие рассказов о последних днях Будды.

¹⁵ Авичи 阿鼻, Аби, Беспросветные — самые страшные из «подземных темниц».

3–19. Рассказ о том, как обрела Путь старая рабыня из дома Судатты

В стародавние времена в Индии в городе Шравастии жил вельможа Судатта. В его доме была одна старая рабыня, звали ее Викара¹⁶. Она постоянно присматривала за домашними делами вельможи.

А вельможа приглашал к себе Будду и монахов-бхикшу, подносил им дары. При виде их у рабыни в сердце просыпалась великая скардность. Так старуха невзлюбила Будду, Закон и Общину, говорила:

— Наш хозяин по глупости верит шраманским чарам!¹⁷ Век бы не слышать имени Будды, век бы не слышать слова «бхикшу»!

И голос ее был слышен по всем городе Шравастии.

Царица, госпожа Маллика, о том прослышала и думает: вельможа Судатта — словно прекрасный цветок лотоса, все его восхваляют. Почему же он держит у себя в доме такую ядовитую змею? И говорит жене Судатты:

— Старая рабыня из вашего дома хулит Три Сокровища¹⁸ злыми словами. Почему вы ее не выгоните вон?

Жена вельможи отвечает:

— Даже Ангулималу¹⁹ и иже с ним, злых людей — и тех Будда одолел! Что уж говорить о старой рабыне!

Маллика это услышала и с радостью говорит:

— Я завтра приглашу Будду во дворец, а ты пришли сюда эту старуху!

Жена вельможи согласилась и ушла восвояси.

Назавтра положила в горшок золота и велела рабыне отнести, под этим предлогом отправила ее во дворец. Маллика видит, что старуха тут, и пригласила Будду. Будда прибыл ко дворцу, входит через главные ворота, слева от него шагает Нанда, справа Ананда, а Рахула идет позади.

Старая рабыня их увидела, встревожилась, всполошилась, уммтится, волосы дыбом! Говорит:

¹⁶ Под именем Викара 毗低羅, Битэйра, в нескольких сутрах появляется слуга-домоправитель, скардный и враждебный к монахам.

¹⁷ 沙門の術, сямон-но дзюцу, — чудеса учеников Будды, понятые как чародейские наваждения.

¹⁸ Будду, Закон и общину.

¹⁹ О нем шла речь в рассказе 1–16.

— Этот злодей и сюда явился следом за мной! Пойду-ка я скорее домой!

И пустилась бежать. В главных воротах — Будда, так что старуха туда не сунулась, хотела выбраться через боковые двери — а те двери сами собой закрылись, не открываются! Тогда старая рабыня спрятала лицо за веером — но Будда, когда проходил перед нею, отразился на веере, словно в зеркале — не закроешься! Старуха хлопочет, мечется, взглянет на восток — там Будда. Взглянет на юг, на запад, на север — и там Будда. Поднимет взор вверх — и там Будда. Опустит к земле — и там тоже Будда! Закрыла лицо руками — Будда на каждом из десяти пальцев. Зажмурилась — глаза невольно открываются. Глядит в небо — все миры на десяти сторонах полны образами Будды!

А во дворце было двадцать пять женщин-чандал, неприкасаемых, и еще пятьдесят женщин-брахманок. И еще пятьсот женщин, не веривших Будде. Они увидели, как старой рабыне Будда явился в бесчисленных телах, — и все отбросили ложные взгляды, впервые поклонились Будде, воскликнули: слава Будде! И тотчас у них пробудились помыслы о просветлении²⁰. А у старухи ложные взгляды укоренились глубоко, она все еще не верит. Однако видела Будду вблизи — и это уничтожило грехи многих ее рождений.

Старуха вернулась в дом вельможи, говорит жене Судатты:

— Я сегодня по твоему приказу ходила во дворец, а Гаутама как раз вошел в дворцовые ворота. Я видела, как он являлся в разных обличьях. Тело подобно золотой горе, глаза — ярче голубых лотосов! Излучает свет безмерный!

Соорудила из веток корзину и легла, накрывшись ею.

Будда двинулся было в обратный путь, в обитель Джетавана, а царица Маллика ему говорит:

— Прошу, о Будда, обрати эту старую рабыню, дай ей переправиться на тот берег! А потом вернешься в обитель.

Будда молвит:

— У этой старой рабыни грехи тяжелы, со мной у нее связи нет. У Рахулы есть с нею связь, он сможет обратить старуху и переправить.

И отбыл восвояси.

А Рахулу отправил в дом к Судатте. Чтобы переправить старуху на тот берег, Рахула преобразился в царя — вращателя колеса. Тысяча

²⁰ 菩提心, бодайсин, первое и главное условия для вступления на Путь.

двести пятьдесят монахов-бхикшу приняли облик тысячи с лишним его сыновей и прибыли в дом Судатты. А старуху превратили в прекрасную деву. Она с радостью поклонилась царю. А царь проповедал о десяти благих делах, дал ей услышать, и старуха, услышав о десяти благих делах, смирилась сердцем.

Потом Рахула и остальные монахи все явились в настоящих своих обликах. Старуха видит их и говорит:

— Закон Будды чист и никого из живых не отвергает. Я по глупости много лет не верила ему! Прошу, обратите ко благу злые и скверные мои дела, дайте мне переправу!

И приняла пять заповедей, и обрела плод сротапанны²¹. И тотчас пошла к Будде, покаялась в прежних грехах, пожелала уйти в монахини — и обрела плод архата. Взлетела в воздух, явила восемнадцать превращений.

Царь Прасенаджит, глядя на нее, спросил у Будды:

— Вот эта старуха. За какие прежние грехи она родилась рабыней, прислуживала другим, и за какие благие дела встретилась с Буддой и обрела Путь?

Будда говорит царю:

— В далеком прошлом в мир явился будда, звали его Царь Драгоценных Зонтиков и Светильников. После его ухода в нирвану, в век Подобия Закона²², жил царь, звали его Сияние Разных Драгоценных Цветов. У царя был сын, его звали Отрада для Взоров. Он вышел из дому и изучал Путь. Гордился тем, что он царский сын, постоянно чванился.

У него был наставник. Для царевича он толковал учение о том, что глубочайшая мудрость-праджня пуста²³. Царевич послушал и решил: это ложное учение. После смерти наставника стал говорить: мой учитель не был мудр, толковал о пустоте. Не хочу в будущей жизни с ним

²¹ «Вошедшего в поток»: первая из четырех стадий совершенствования архата.

²² 像法, Дзо:бо:, наступает, по предсказаниям из разных сутр, через 500 или 1000 лет после ухода каждого из будд.

²³ 甚深般若の空義を説く, дзинсинханья-но ку:ноги-о току, то есть проповедует махаянское учение, «пустота» здесь — относительность как свойство любых истин. Ведь каждая истина имеет смысл только в сочетании со своей противоположностью: невозможно говорить о «большом», не отличая его от «малого», об «истинном» — не противопоставляя его «ложному» и т. д. Собственно, и Закон Будды нельзя было бы изложить, не отделяя его от «чужих учений», а значит, он и они взаимно предполагают друг друга. «Пуста», относительна, и сама теория «пустоты».

встречаться! А потом появился у него еще один наставник-ачарья. О нем царевич говорил: этот мой учитель обладает ясной мудростью, рассудителен и сведущ. Хочу, чтобы из жизни в жизнь, из века в век мы с ним оставались мудрыми друзьями! Царский сын обучил многих учеников, внушил им веру в то, что учение о пустоте — ложное.

И вот, хотя он и соблюдал заповеди, но сомневался в учении о пустоте самой глубокой мудрости-праджни, за это, когда жизнь его кончилась, сошел в подземные темницы Авичи, принял муки безмерные. Когда вышел из подземных темниц, рождался бедным простолюдином, пятьсот веков рождался глухим и слепым, тысячу двести веков становился рабом и постоянно прислуживал другим. Первый его тогдашний наставник — это я, а второй ачарья — ныне Рахула. Царский сын — это ныне старая рабыня. Вот почему сейчас у меня с ней нет связи, а Рахула смог ее обратить к учению. За то, что за нею тогда следовали ученики, учились у нее Закону, она теперь обрела Путь. Те женщины во дворце, чьи взгляды были ложны, — это тогдашние монахи-ученики.

Так проповедал Будда и так передают этот рассказ.

Перевод со старояпонского Н. Н. Трубниковой